

Вера Зубарева

«Между Омегой, Альфой и Одессой...»

* * *

Жемчужина у моря...

Где обитает тихий ветер,
И сны встречаются тайком,
Где жизнь рифмуется со смертью,
Пчела рифмуется с цветком,
Звезда – с душой, и перекресток –
Со сретеньем календарей,
Где дома солнечная блестка,
И роза пенится морей,
Где шторм взбивает их перины,
Там Город в створке – притча притч.
Срифмованы судьбою с ним мы,
И даже в лютую годину
Нас не удастся разлучить.

* * *

Помнишь, луна над трубою светила?
Помнишь, домой загоняли всех силой?
В самый разгар болтовни, беготни?
Помнишь, куда улетели те дни?
Как же не помнить!
Помню, конечно, –
В темный скворечник
На ветке черешни,
Что пустовал по весне без скворца.

В нем только ветер гудел без конца.
Помню и лето, и все эти сказки,
Темное море в лунной окраске.
Кто-то кого-то звал из окна.
Все разошлись... Я осталась одна –
Где-то уже на другом побережье,
С новой жизнью, с памятью прежней.
Будто скворец, что тогда улетел.
Будто скворечник, что все еще цел.

* * *

Какой там сон,
Когда стихи идут,
Спешат, торопят, не дают отсрочки!
Отрезанный ломоть –
Все там, я тут.
Прорвало дамбу –
Строчки, строчки, строчки.

Идут стихи, а может, не стихи,
А может, звезды падают в копилку,
А может, рыб роятся косяки –
Тех, что у Бога только на посылках.

Рожденные в созвездье рыбарей,
Они несутся из морей небесных,
А я ловлю их из своих морей
Между Омегой, Альфой и Одессой.

* * *

Здесь никто ничего не помнит,
Здесь две улицы, пляжи и порт.
Этот город как на ладони.
Этот город – город-курорт.

И цветут его рестораны,
И на дачах до ночи фуршет.
Этот город всем по карману.
Этот город всем по душе.

У него на лице улыбка,
И в театрах его аншлаг,
В кошельке золотая рыбка,
И шаланды, полные благ.

Черный ворон ему не помеха,
Серый волк ему не беда.
И история – кладезь смеха.
Он смеется последним всегда.

Он и в смуту глядит эмиром,
В нем дворы звенят детворой,
В нем справляют свадьбы всем миром.
Этот Город – город-герой.

* * *

Жаль дом – смесь красоты и ада.
Душа его – небесной высоты.
И в памяти – как он дышал на ладан,
Когда настали времена разлада,
И он шептал прощальное «прости».
Каким его люблю, таким и помню.
Былому – ни возврата, ни помех.
Оно само взберется по балкону,
Которого, как дома, больше нет.
Дом-шулер, дом-обманщик, дом-притворщик,
Дом-лицедей, дом-лицемер и проч.
В нем розыгрыш взрывоопасной мощи,
И от него отскакивает ночь.

Коварный дом, коварней всех злодеев.
Он знает, как присниться в этот час,
Когда угрюмы тени от деревьев,
И что-то в них незримое от нас.
А он между стволов печальных брезжит,
И двери нараспашку, стол накрыт...
И там подстерегает ад крошечный
Объятий и молчания навзрыд.

Памяти одесских домов

Вот пал еще один... Как будто бы сапер
На минном поле жизни подорвался.
Сорвавшись с тонкой ветки, через двор
Несется похоронка в ритме вальса.
Клубится пыль, где он успел осесть,
Еще не понимая, что случилось,
И дерево оплакивает весть.
Оно навек с балконом разлучилось.
Кружат эпохи в солнечной пыли,
В ней, колыхаясь, образ дома дышит.
Он плотью был из судеб, из земли,
А ныне светом носится неслышно.
Гудят сирены. Все, как на войне –
Носилки, журналисты-почтальоны...
А он плывет, плывет себе над ней,
В граните лет навек запечатленный.
И смотрит, как сквозит его душа,
Где пыль земная в медленном балете
Несет его останки не спеша,
Художник в засмальцованном берете.
Трещат ступени, связи, вспышки лиц
В альбомах, разлетевшихся на ветки.
Пал занавес стены, и мир кулис
Открыл все то, чем живы человеки.
И дом летит ко всем чертям, в костре

Грехов и не оправданных усилий,
Но верит люд в спасенье на холсте
Под кистью долгожданного мессии.

* * *

...А за полночь, когда пустеют пляжи,
Латает мостовые Дерibas,
Дома-дворяне высятся на страже
Истории, отправленной в запас.
Как рыцари без страха и упрека,
Былые знаменуют времена,
И смотрит осажденная эпоха
Из каждого заветного окна.
А завтра снова – пекло, звон трамваев,
Пес у лотка, мальчишки из двора
На великах выкатывают стаей.
Идут часы. Мороженое тает
И капает, вливаясь во вчера,
В страну молочной радости и света
Нечитаного Ветхого Завета,
Куда бежали все – и стар и мал,
Где до сих пор обещано все это –
Ведь прошлое никто не отменял.
И тем оно прекрасно, как страница,
К которой в предрассветный час прильнем,
Чтоб знать: бывое хоть не повторится,
Но не умрет, коль будущее – в нем.

* * *

У берега другого знать, что там,
Где ходят сны за ночью по пятам,
Рисуют легковесные наброски,
И снится переулкам и дворам
Из пепла возрожденный Город-храм
Со свитком вод и звонарем в матроске.

Роятся чайки, и со всех сторон
Струится звон из колокольных волн,
И чудо-рыба отликает солнцем,
Привозом акварельным всех времен,
И управляет щедрый царь Гвидон,
И царь Салтан на всех парах несется.

И много, много разных дивных див,
И у волны морской там свой порыв,
Диапазон такой – что всем на зависть,
Когда выводит из глубин мотив
И переходит на речитатив,
Из раковин на сушу проливаясь.

А на асфальте вмятины от лет
Акации усеял белый цвет,
И мимо дома шествует прохожий.
Его уж нет. И дома тоже нет.
Но я смотрю, смотрю, смотрю им вслед
У берега другого... Или нет –
Все у того же.

* * *

Снится Город в дожде.
Снится Город в ветрах.
Отраженье в воде
Разбивается в прах.
Снится Город-туман,
Снится Город-фантом,
Хлещет море из ран,
И рассыпался дом.
Мне его не спасти.
Мне ему не помочь.
Я иду к нему каждую чертову ночь.
И врезаюсь во мглу,
И стою на ветру,

И зову.
И сама рассыпаюсь к утру.

* * *

Улица в заре вечерней,
Мягкий свет на куполах.
Собираются к вечерне
Тени в кронах и стволах.
Тропка к морю в виде змейки,
Как лазейка от невзгод.
Спит газета на скамейке
И в обнимку с нею кот.
Скомкан ветром мир бумажный.
Проступают из вчера
Старый дом многоэтажный,
Запах моря, тишь двора,
Думы, жизнь на переправе...
И уже на грани сна –
Силуэт семьи в оправе
Драгоценного окна.

* * *

Да здравствует Город,
В котором есть дворики,
Чьи стены на ощупь,
Как раковин створки,
Где окна, и двери, и жизнь – нараспашку.
(Не та, что, как зебра, а та, как тельняшка.)
Да здравствует Город,
Всевышним отмеченный,
Да здравствует Город
И утром, и вечером,
И темною ночью,
И звездною ночью,
Да здравствует Город –

Любви средоточье,
Хранитель истории,
Вкусных рецептов,
Дворов со всемирно известным акцентом,
С накрытым столом
Для друзей и соседей,
С лозой над тарелками
Жоры и Феди,
Чьи тосты от сердца,
Без ложной риторики.
Да здравствует Город,
В котором есть дворики!

США

